

На соискание Государственной премии СССР

КАЖДУЮ СТРОКУ ПРОЖИТЬ СОБОЙ

Литературно-критические статьи и очерки, составившие книгу Бориса Панкина «Строгая литература», публиковались в периодике и всякий раз привлекали серьезностью, глубиной, убежденностью авторской речи. Но не всегда статьи, даже удачные, образуют книгу, то есть определенное единство. «Строгая литература» — целостное произведение, которое постигает жизнь средствами литературной критики и публицистики, постигает вместе с искусством, вместе с прозой и драматургией, вместе с читателями, современниками. Развивающаяся, мыслящая, верная себе и времени, личность критика связует выступления на очень несхожие темы единством творческой и человеческой позиции, нераздельностью прочитанного и пережитого. В этом смысле «Строгая литература» и есть книга, книга, которая держит вас тем, что она, как говорится, обеспечена духовно, подтверждена и выношена всей судьбой. Внутренний девиз критика можно выразить словами поэта: «Чтоб каждую строку прожить собой...» Собой и временем.

Критик со своим взглядом и подходом к литературе. Борис Панкин видит и обдумывает всю картину ее

движения, то, что именуют «литературным процессом», но в центре его внимания и интересов — художническая индивидуальность, писатель... Входят в литературу поколениями, расти же в ней, жить и отвечать — каждому за себя, полагает критик, сознающий ответственность таланта за свой дар. Перед нами проходят очень разные — по масштабу, по стилю, по жизненному материалу своих книг — писатели, объединенные и нашим временем, и, разумеется, художнической близостью критику. Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, Федор Абрамов, Юрий Трифонов, Василий Шукшин, Марк Щеглов, Анатолий Аграновский нарисованы крупно, портретно. Эскизно, одним произведением входят в книгу Михаил Рошин, Мустай Карим, Даниил Гранин, Владимир Тендряков, Гавриил Троепольский... Конечно, критика занимают и литературные направления, жанрово-тематические и проблемные тенденции, «новая волна» в драматургии (пьесы И. Дворецкого, М. Шатрова, А. Гельмана, Г. Бокарева, А. Мишарина). Но основное, всепоглощающее для Бориса Панкина — лицо. Лицо художника, и в нем — наше

лицо, человеческое и гражданское.

Герои «Строгой литературы» — писатели, художники, мастера. У каждого из них особая судьба, особый жизненный и творческий сюжет. И за перипетиями всего этого пристально, пристрастно следует своим аналитическим взором критик, отвечающий вместе с тем за себя, за свое слово и свою мысль. Так рождается книга. Рождается на наших глазах, потому что автор «Строгой литературы» дописывает (как бы при нас) опубликованные статьи, возвращается к воспоминаниям о прежних встречах с писателем и его творениями, лепит свой образ мира, прокладывает, нащупывает вместе с нами, вместе с литературой путь в будущее. Такова драматургия книги Бориса Панкина.

Выражаясь языком научных социально-исторических понятий, книга Бориса Панкина охватывает начало того периода нашего общества, который мы называем развитым социализмом. Если же приблизиться к конкретной проблематике литературы и самой действительности, то речь идет о времени духовной зрелости, когда общественной потребностью стало живое, органическое слияние, синтезирование

глубокой исторической памяти, революционных традиций и передовых устремлений современности. Видно, что автору «Строгой литературы» дорого наше время, что критик гордится способностью нашего времени выдвинуть именно таких художников, что он верит в духовные силы нашего времени, в высокое назначение современной советской литературы. Но мысль критика не парадна, а беспокойна, тревожна, взыскательна — при всей взвешенности и весомости суждений. Достоинство человека, достоинство художника, достоинство литературы — вот, думается, живой нерв всей книги Бориса Панкина. Не выдвигая отдельно аспект «нравственных исканий», критик стремится вместе с писателем и читателем к нравственной цели, к человеческому идеалу. И все это каждый раз вновь и вновь, в отдельном сюжете, в одном лице или в одной книге. Пристальность и обобщенность — таков стиль Бориса Панкина, не разделяющего свою профессиональную задачу и свою человеческую сверхзадачу.

Очерки о писателях — это и повести нашей жизни, и анализ критика, и раздумья современника нераздельно.

Создаются эти статьи и очерки не путем обычного «начитывания книг», а год за годом, ибо, по признанию критика, «для того, чтобы связь явлений стала очевидной, порой долго не хватает одного-единственного факта». И не только факта, но и переживания, до той поры, когда явится властная необходимость «остановиться и подумать...»

«Строгая литература» — назвал книгу своих литературно-критических статей и очерков Борис Панкин, пояснив, что идет от названия поэмы Ярослава Смелякова «Строгая любовь». Литература оказывается синонимом любви, любви взыскующей, мужественной. В понимании мужества критик опирается на слова Романа Роллана, утверждавшего, что мужество — это видеть мир таким, каков он есть, и все же любить его. Исток и смысл позиции критика — в той любви и в том мужестве, какие воспитывает, внушает, вызывает социалистическое общество, советская литература. И в этом пафосе, обретшем достойное воплощение, несомненная удача книги Бориса Панкина «Строгая литература».

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ.